

**Фрагмент 2-й книги «Да будет ночь»
из серии «Споры богов»**

«Дремотно жужжали пчелы, гудели деловито шмели. Пытаясь побороть сон, Посейдон вспомнил, как бабушка Гея застала их с Аидом за весьма глупым и неприглядным занятием. Обнаружив в траве жука с оторванной лапкой, они вместо того, чтобы помочь бедняге вырастить утраченную часть тела, оторвали и все остальные ноги, а потом с интересом наблюдали, как жук тщетно пытается от них улететь.

Гея так разгневалась, что пообещала их самих лишить ног, если еще раз увидит нечто подобное, а Аиду, который попытался добить калеку, чтобы тот не мучился, сказала строго: «Вот подрастешь, и я устрою так, что твоим уделом будет опекать души, покинувшие бранные тела и отягощенные земными пороками. Раз уж ты такой сердобольный, постарайся их очистить и вернуть обновленными».

Жук тем временем прикинулся мертвым. Бережно взяв калеку, Гея посадила его, как брошку, себе на плечо, и тот, расправив крылья, гордо взмыл в небо, а под полосатым брюшком его ясно просматривались три пары вполне полноценных конечностей.

— Вот это был урок, — подумал Посейдон и провалился в сон».

Священная гора Щеру

Чертоги Зевса обставлены с мрачноватой роскошью. Окна задернуты пурпурными шторами, свисающими тяжелыми складками на темно-синий пол, искрящийся россыпью звезд. Зевс лежит на низкой кушетке, сосредоточенно разглядывая план яйцеобразного зала, начертанный на свитке из телячьей кожи. За его спиной стоит прелестный юноша, одетый пажом. Зевс бормочет раздраженно, помяв пальцами пергамент:

– Убить быка только для того, чтобы изготовить из его шкуры такую дрянь! Вот так они ценят своих помощников. А Гермес еще грамоте их обучил, вот и изводят теперь благородных животных на никчемные поделки. Кстати, где этот шельмец пропадает?

Обернувшись, замечает мальчика. Тот радостно выпаливает:

– Я, господин, тоже не люблю читать, а особенно писать, – А быков, позвольте сообщить, люди убивают для того, чтобы их кушать.

Зевс смущенно хмыкает и, нахмутив брови, беззлобно ворчит: – Тебя, Ганимед, я ни о чем не спрашивал. Твое дело амброзию подавать. Не видишь что ли, – мой кубок пуст!?

Мальчик склоняется, чтобы пополнить кубок, и чуть не падает на своего господина, поскольку в этот миг, взметнув тяжелую штору, в комнату врывается снежный вихрь. Мальчик в страхе отступает, запахивая полы расшитого сюртучка, и обиженно бормочет:

– А еще говорили, что на Священной горе всегда хорошая погода. Да здесь околеть можно.

– Это ты Борей? – грозно спрашивает Зевс. – Ты что своевольничаешь? Кто тебе позволил явиться на Меру? Твои пределы – Гиперборея и то, что южнее ее, а на Полюсе тебе делать нечего. Здесь особая зона.

– Владыка Зевс, – доносится из снежного вихря. На глазах густея, вихрь превращается в ледяную фигурку, которая оживая, становится гибким подвижным юношей с колким взглядом голубых глаз. – Я как раз из Гипербореи, – выпаливает гость скороговоркой. – Осматриваю я тут свои земли с птичьей высоты, вижу, Гермес ибисом летит, а курс держит на Туле, где его, наверняка, Аполлон поджидает. Специально колокола включил, чтобы никто не мог подслушать их разговора. Я сразу смекнул, что твои дети затевают что-то недоброе за твоей спиной.

Летел быстрее ветра, чтобы предупредить тебя, – угодливо склоняется в поклоне.

– Что за чушь ты мелешь? «Колокола включил, летел быстрее ветра», – передразнивает Зевс Борей, – да ты и есть ветер! И заруби себе на носу: Владыка Гипербореи – Аполлон, ну и сестра его Артемида. Я так их матери, лучезарной Лето, обещал. Воображают о себе невесть что! Твое дело – климат регулировать, засух не допускать, – и другим тоном, явно встревоженным: – Соберись и внятно доложи, что в Гиперборее творится. Может, и Арес там? Я его как раз за Гермесом послал, чтобы тот собрал всех на Совет богов. Только Совет-то будет на Меру, вот в этом самом зале, – Зевс в раздражении тычет пальцем в пергамент, прорывая его. – Извести быка на такую дрянь! – со злостью отшвыривает свиток.

Бесит Зевса, конечно, не качество выделки кожи и даже не сумбурность доклада, а то, что Совет богов, задуманный им как последняя попытка обуздать титанов, похоже, срывается. Дети разбрелись в разные стороны Земли и глаз на Меру не кажут, Гера, как обычно, впала в истерику, не желая видеть его бывших супруг, да те и сами не спешат на Совет, демонстрируя занятость и свою нужность людям. Пришлось назначить гонцом Ареса, но какая может быть надежда на самовлюбленного юнца, возомнив-

шего себя богом войны? Титаны, конечно, тут, но пребывают себе в тонких сферах, и не вытащишь их оттуда, если сами не захотят.

Борей обиженно молчит, потом бормочет уныло, вперив взгляд в пол:

– Климат в Гиперборее умеренно-теплый, пригоден для возделывания земель. В северных районах ледостав приурочен к зимнему солнцестоянию, снежный покров сходит после весеннего равноденствия. Южный регион...

Зевс перебивает, неволью улыбаясь:

– Молодец! Не сомневаюсь, что ты справишься со своими обязанностями, поэтому хочу дать тебе ответственное поручение. Выполнить его тайно и деликатно по силам только тебе, – и, притянув к себе Борея, шепчет ему на ушко: – Срочно лети обратно, разведай, что в ваших краях понадобилось Гермесу, не заглядывали туда Арес, потом сообщишь мне в подробностях. И, кстати, мальчика с собой захвати, – он указывает на Ганимеда, который застыл в углу оловянным солдатиком. Заметив страх в глазах Ганимеда, подмигивает ему: – Это и тебя касается. Будете, так сказать, моими тайными агентами.

Ганимед шустро прячется за штору и хнычет оттуда:

– Не хочу в Гиперборею, там холодно. И в тайные агенты не хочу. К себе, в Трою хочу...

– Что за глупости, в Трою... – хмурится Зевс, – не будет скоро никакой Трои, – и, сообразив, что сказал лишнее, быстро меняет тему, обращаясь к Борею: – Ты там климат-то помягче сделай, зверье зря не морозь, посевы не губи. А тебе, Ганимед, пора развлечься. – Выдергивает мальчика из-за шторы и ласково гладит по голове. – Знаешь, какие в Гиперборее девчонки?! Вакх слетал туда погулять, так вернулся с целой свитой вакханок. Красавицы – одна ядреней другой!

– Да уж, Вакх по себе память оставил. Артемиды за ним с хлыстом гонялась, чтобы уберечь своих жриц, – ухмыльнулся Борей и горделиво добавил: – А что касается Ареса, так я краем глаза за ним слежу. Он еще раньше на Та Кемет подался. Ну, туда, на Нил, где Гермес учит жрецов разным премудростям, – пустое, честно говоря, дело, – разошелся Борей, довольный, что в его услугах нуждается сам Вседержитель. – Гермес к ним то ибисом прилетит, то собакой явится, то богом лучезарным, а они все равно ничего не понимают, даже имени запомнить не могут, Тотом Трисмегистом кличут... Кхе, кхе, кхе, – засмеялся, словно закашлялся, Борей.

– Ты, дружок, ври, да не завирайся, – Зевс добродушно колотит доносчика по спине. – Зачем Аресу лететь на Нил, если Гермес в Гиперборее?

– Вот я о том и говорю, – выскальзывает из-под могучей длани Громовержца Борей. – Они, наверное, там и сговорились...

– Хватит рассуждать! – начинает терять терпение Зевс. – Получил задание – выполняй!

Подхватив Ганимеда, Борей взмахивает серебряным плащом и вихрем вылетает в распахнутое окно.

– В голове один ветер, а туда же – в политики метит, – бормочет Зевс, подходя к окну. – Следит он, видите ли, за всеми. Заставь дурака богу молиться – лоб разобьет, как учит Афина людей. – При имени любимой дочери расплывается в улыбке. – Что ни говори, а в этих ее присказках да поговорках что-то есть. Так и просятся на язык в подходящий момент. Хотя... может, и прав Борей. Вряд ли они с Гермесом преуспеют в своих опытах, если уж у Прометея ничего не вышло. У того тоже амбиций было выше крыши, как сказала бы Афина. Пришлось окоротить. А теперь Гермес напрашивается. Как, бишь, его смертные величают? – Зевс презрительно кривит губы, – Тот Трисмегист, что означает Трижды Величайший. Не много ли на себя берешь, сынок?

Невидящими глазами Зевс смотрит вслед серебристому облачку, внутри которого трепещет разноцветным лоскутком его любимый виночерпий.

Внизу простирается прекрасная долина, подсвеченная немеркнущим сиянием горы Меру, на вершине которой высится многобашенная громада Зевсова дворца. А дальше, там, где Небо сходится с Землей, синеют неприметной полоской Сады Эдема, для надежности отгороженные от остального мира сполохами Северного сияния. Однако Вседержителя не интересуют земные красоты. Природа – это забота сестры его, Деметры, и племянницы Персефоны.

«Вот пусть они ею и любуются, если, конечно, Аид отпустит свою любимую женушку к матери погостить». Едва Зевс произносит про себя эту фразу, как вдали возникает иссиня-черная грозовая туча, на глазах обретающая очертания коня, несущего всадника в развевающемся черном плаще.

Конь летел, не поднимая пыли, и не потому, что в окрестностях Меру, ни пыли, ни грязи отродясь не водилось, а потому что это был крылатый конь Аида. Его серебряные копыта падающими звездами рассекали пространство, а черный плащ седока закрывал полнеба.

– Да что за день сегодня такой?! – вырвалось у Зевса. – Едва одного спровадил, как братец Аид на своем Вороном пожаловал. Вот уж действительно, не поминай всуе, ни бога, ни черта. Правильно Афина людей учит. Только почему они Аида чертом нарекли – ума не приложу.

Может, из-за его черных нарядов. Впрочем, я не силен, ни в модах, ни в лингвистике.

Зевс помахал всаднику рукой, и тут же в ответном приветствии в воздух взмыла могучая десница.

«Что за черт, да он же без головы! – удивился Зевс, отметив про себя, что имя «Черт» Аиду, и правда, очень подходит. – А может, это и не брат вовсе, как тут распознаешь, без головы-то? Латы под плащом, вроде, Аидовы, рукавицы его, а что внутри-то? Ясно, что Аид не может появиться в Верхнем мире воочию, поскольку взгляд его разрушает живую материю, да и косной может повредить, но здесь, на Меру, куда смертным путь строго-настроено заказан и выставлена защита от любых вредоносных излучений, маскироваться нет нужды».

Гость словно учуял тревогу хозяина, и рука его потянулась к отсутствующей голове, как бы снимая шляпу.

И тут же на могучие плечи всадника обрушился водопад иссиня черных кудрей, а рука с зажатым в ней колпаком победно взметнулась ввысь. Лицо Аида сияло белозубой улыбкой, в антрацитовых глазах прыгали искорки смеха.

– Прости, брат, – сказал он, – забыл снять шапку-невидимку, чем, вижу, тебя несколько озадачил. Где Вороного оставить? На крыше или на склоны пустить?

Конь Аида мирно завис напротив окна, слегка пошевеливая крылами, однако, перспектива пасть на крыше Зевсовых чертогов ему явно не понравилась, и он нервно заржал, извергнув сноп искр.

– Издевайся над своими подопечными, они того заслужили, а конь-то чем провинился? – укорил брата Зевс. – Отпусти его, пусть погуляет на воле. На Меру есть чудные лужайки, особенно близ дворца Деметры. А сам – ко мне, через главный вход.

При упоминании имени Деметры искры посыпались уже из глаз Аида.

– Да ты что? Решил окончательно нас поссорить? С тех пор, как ты подтвердил право Персефоны жить почти полгода со мной, Деметра и так затаила на нас обиду. А теперь скажет, – мой конь специально ее цветочки вытоптал. Давай, лучше, двинем в Эдем. – И, понизив голос до шепота, добавил: – у тебя разве поговоришь? Гера припрется, комплименты ей отвечаешь, потом Гестия со своими угрождениями... – а я, видишь ли, по сугубо конфиденциальному делу.

– Гера не придет, – усмехнулся Зевс. – Второй день больной прикидывается. Не хочет, чтобы я Совет богов собирал.

– Ааа... – понимающе кивнул Аид. – Боится, что твои бывшие явятся, да еще со своими детьми.

– Конечно с детьми! А что бы я без них делал? – взвился Зевс, будто перед ним был не брат его, прямодушный Аид, а сварливая жена Гера. – Настояла, чтобы я посланцем ее никчемного сыночка Ареса назначил и, наверняка, накрутила его в дорогу... Сижу вот тут один, ни от кого – ни ответа, ни привета. К тебе не заходил?

– Ну, Арес как-никак и твой сын, он не осмелится тебя ослушаться, – не очень уверенно проговорил Владыка Подземного царства и с усмешкой добавил: – Впрочем, ко мне он вряд ли заглянет. Ты его столько раз Тартаром стращал, что бедняга, наверное, думает, что я его сразу в котел со смолой суну. Сколько пустопорожних баек про Преисподнюю понапридумывали, – вздохнул Аид, – что сами себя вконец запугали. Я к тебе как раз по этому вопросу. Чистка генофонда предполагает массовые поступления в Нижние миры, а Тартар не резиновый.

– А ты к Осирису их сплавляй, – ухмыльнулся Зевс, недолюбливавший этого Нильского отшельника.

– Да был я у него! – махнул рукой Аид. Осирис категорически отказывается брать тех, кто не смирился с преждевременной смертью, ну и, естественно, не раскаявшихся грешников. Говорит, у него на полях Блаженных покой и порядок, и бунтарей да смутьянов ему не надобно.

– Позвал бы его на Совет богов, – предложил Зевс, сам не очень веря в то, что говорит. – Ты ведь знаешь, решение принятое консенсусом становится обязательным для всех.

– Он и на Совет не придет и подчиняться никому не будет. Я, говорит, испил свою чашу до дна, когда в Нильских болотах валялся. Теперь, говорит, вы меня на Землю не заманите, даже на Меру.

– Да, упрямым старик, – проворчал Зевс. – Смирению людей учит, а сам тупее осла.

Вороному наскучило висеть над пропастью и он тревожно заржал, кося глазом в сторону Эдема.

– Ладно, не будем животное мучить. Скачите в Эдем, а я следом прилечу.

Застоявшийся скакун черной молнией ринулся вниз, в долину, а из окна Зевсова дворца плавно спикировал гордый орел.

Рознав – молчи

Площадь перед храмом, выбеленную до нестерпимого сияния жарким полуденным солнцем, торжественно пересекает процессия жрецов. Первым выступает Певец. Правой рукой он прижимает к груди два свитка, в одном – гимны богам, в другом – свод правил жизни людей. В левой вытянутой руке жреца позвякивает в такт шагов Систриум, в струнах которого, звенящих от малейшего сотрясения, заключена неведомая сила, пробуждающая жизнь. Систриум призван напоминать смертным о необходимости активности и движения, ибо покой в проявленном мире – есть Смерть.

Жрецу известно, что подобным магическим воздействием обладает также звук неких волшебных колоколов, что звонят в далекой Гиперборее. Колокола эти, говорят, выковывает в своей кузнице сам бог огня с горы Меру, однако, ни в Гиперборее, ни, тем более, на Меру жрец, естественно, не бывал, да и вряд ли побывает, если только боги не вознаградят его за верное служение и праведную жизнь.

За Певцом шествует Астролог. В руках его книги их Учителя – Тота Трисмегиста, объясняющие правила движения небесных тел. Из них он твердо усвоил: «Что на Земле, то и на Небесах», но как это применяется на практике, пока не знает.

Бритые головы жрецов сияют на солнце, одеяния их лишены каких-либо украшений, и только Писца, следующего за Астрологом, отличают крылышки на обруче, сжимающем его чело, чем он весьма гордится, полагая, что сей атрибут ставит его ближе к богам. Он уверен, что боги избрали священную землю Та Кемет, чтобы обучить лучших из лучших, а именно, их – жрецов, тайным наукам и божественным искусствам, дать им понятие о мере и числе, о священных ритуалах и правилах, которые следует неукоснительно соблюдать как при жизни, так и после нее.

За Писцом идет Жрец жертвенных церемоний. В руке его чаша для возлияний. Он досконально разбирается в премудростях обрядов, почерпнув знания из книг Тота. Он знает все о гимнах, процессиях, празднествах и церемониях и уяснил главное: людям обряды нужнее, нежели богам, хотя смертные, свершая жертвенный ритуал, воображают, в гордыне своей, дарителями себя.

Шествие замыкает Пророк, держа на вытянутых руках сосуд, наполненный священной

водой Нила. Будучи правителем храма, он изучил все десять книг Тота, в которых изложены Закон и божественные установления.

Процессия медленно втягивается под своды храма.

Семикратно обойдя по кругу алтарь, представляющий собой массивный куб с едва теплящимся на нем огоньком, шестерка жрецов замирает в поклоне. В слабом мерцании алтарного огня их бритые головы отсвечивают, будто гигантские жемчужины, подвешенные на невидимых нитях. Певец выводит голосом евнуха, остальные подхватывают:

Свят Бог, Отец всех вещей,
Тот, кто был до Первого Начала.
Свят Бог, чья воля вершится
Его собственными Силами,
которые он породил в Себе.
О, Ты, Невыразимый и Непроизносимый,
благословен будь.
Молю Тебя обратить на меня
милостивый взор Свой,
Дабы мог я просветить моих братьев,
сынов Твоих.

При первых словах молитвы пламя на алтаре вспыхивает мириадами огней, улетающая искрящимся сиянием под своды храма. Постепенно сгущаясь, свет вновь притягивается к алтарю, закручиваясь в воронку. Вихрь света танцует над алтарем, образуя собой яйцо, внутри

которого рождается Вечная Жизнь. Огненный обруч, спиралью охватывающий яйцо, взрывается, ослепляя жрецов, и им кажется, что прямо на них из рыжего пламени выскакивает огненная собака, в прыжке превращаясь в юношу с головой пса. Когда жрецы приходят в себя, перед ними высится Тот, кого они звали.

Одежды бога словно сотканы из лунного света. В одной руке его – изумрудная скрижаль, в другой – кадуцей, крылатый жезл, обвитый змеями, о свойствах которого жрецам ведомо лишь то, что он может, как излечивать, так и убивать.

– О, Трижды Величайший Тот, Правитель Трех Миров, Писец и Хранитель Книг Жизни, приветствуем тебя! – на едином дыхании восклицают жрецы и дружно падают ниц, не выпуская из рук драгоценных атрибутов Власти и Знания.

Янтарные песьи глаза с любопытством смотрят на распростертые тела, постепенно превращаясь в аквамашиновые холодные глаза бога. Меняются и черты лица. Добродушная песья морда превращается в точеный мужской профиль, высокое чело бога венчает золотой урей. Бог равнодушно окидывает взором храм, словно не замечая раболепной шестерки у своих ног. Из прострации жрецов не может вывести даже ящерка, бесцеремонно снующая меж бусинами

голов и, наконец, нахально взобравшаяся на угасающий алтарь. Свет теперь исходит лишь от бога, и лишь он да серебристая ящерка выглядят живыми среди каменных колонн храма.

– Не уснули бы они у меня вечным сном, вот хлопот-то Осирису будет – с усмешкой говорит бог, обращаясь к ящерке.

Та мигом соскальзывает с алтаря, и, задев хвостиком систраум, исчезает.

Тревожный звон систраума приводит жрецов в чувство. Первым очнулся Пророк. Не без труда он становится на колени, стараясь не расплескать воду из чаши. Удостоверившись, что сосуд полон, переводит полные смирения и страха глаза на бога.

Тонкие губы бога искривляются в ироничной усмешке:

– Похоже, чашка воды для тебя важнее, чем мой приход, – буднично роняет он и тут же, повысив голос: – Неужели вы так нагрелись, что не смеете глаз поднять?

Тела жрецов дружно зашевелились, и скоро вся шестерка стояла на коленях, не сводя с бога преданно-собачьих глаз.

– Не гневайся на нас, о, Трижды Величайший! – восклицает, осмелев, Пророк. – Коленопреклоненными нас держит не страх ответственности пред Тобой за грехи наши, а безмерное почтение и благодарность за щедрые дары Твои.

Ты научил нас божественным наукам и земным ремеслам, дал понятие о мере и Закон...

Писец, стрельнув завистливым глазом в сторону Пророка, опять опередившего всех, подхватывает: – Ты пролил на нас Свет разума, научил счету и письму, открыл тайну небесных сфер...

Писца тут же перебивает Астролог, не довольный, что кто-то вторгся в сферу его ответственности: – Ты научил нас составлять календарь и от щедрот своих добавил к земному году дополнительные пять дней.

Но и ему не удается удержать внимание бога. Опасаясь, что до него не дойдет очередь, Певец выкрикивает, переходя на фальцет: – О, Трижды величайший Тот! Мы изучили, как смогли, все оставленные Тобой книги. И просим испытать нас.

– Я уже испытал вас, и должен констатировать, что смогли вы немного, – с усмешкой проговорил Тот. – Вам надлежало подготовить проект строительства Пирамид. И что же? Я спросил Строителя, знает ли он, что Та Кемет создана по образу звездного неба, и он честно признался, что это ему неведомо. Как же он будет выполнять задание, смысла которого не понимает? Астролог, что скажешь ты? Ты совместил проекцию звездного неба с картой Нила?

– О, да, Трижды Величайший! И все совпало самым чудесным образом, как Ты и предсказывал! – Бодро отрапортовал Астролог.

– А ты показал карты Строителю? – продолжал допытываться Тот.

– Никак нет, – отчеканил Астролог, все еще стоя на коленях, отчего ответ его прозвучал более чем комично. Заметив усмешку на устах бога и восприняв ее как одобрение, Астролог с гордостью добавил: – Я хорошо помню Твой завет: «Познав – молчи!».

– А кто еще работал со Строителем? – почти ласково спросил Тот.

– Мы все работали, – хором ответствовали жрецы, довольные, что угодили богу.

– И все до единого, я полагаю, придерживались принципа: «Познав – молчи»? – высказал догадку Тот.

– Все, о Трижды Величайший! – радостно подтвердили жрецы.

– Да встаньте, вы, наконец, с колен, – потерял терпение бог. – Что это за хор покорных истуканов?!

Растерянные и униженные, жрецы неуклюже поднимаются с затекших колен. Первым набрался храбрости Писец. Он привык гордиться своей ученостью, а также крылышками на обруче, так похожими на крылатый шлем бога.

– Я понял, в чем наша ошибка, о, Трижды Величайший Тот, – смело начал Писец, глядя прямо в глаза богу. – Скрыв от Строителя чертежи, мы как бы приравняли смертного к богам, допустив, что он сам, своим умом, открывает Божественный замысел. Нам надлежало относиться к Строителю, как к Посвященному, и передать ему тайны, вверенные нам богами. Прости нас, о, Трижды Величайший, смени гнев на милость и позволь исправить сей невольный грех. Я готов показать Строителю все доступные мне чертежи и карты, – он потрясает свитком, который все это время бережно прижимал к груди, – а если нужно, то совместно с Астрологом мы составим столетний, нет, тысячетный, гороскоп...

Легким движением кадуцея Тот прерывает горячую речь Писца:

– Вина ваша не в том, что вы посмели приравнять смертного к богам, – задумчиво говорит он, – это, увы, пока невозможно. А если по недомыслию вы соблазнитесь таким сравнением, то накажете себя сами, ибо остановите свое развитие, а это, как я вам не раз говорил, – верная смерть. Гордыня столь же пагубна, как... Кто помнит продолжение?

Последовала пауза. Под взыскующим взором бога, жрецы, казалось, снова утратили дар речи.